

Е. Р. Чемезова
Ялта

**ОТЧУЖДЁННАЯ «КОЛЫБЕЛЬНАЯ»
«РОМАНТИЧЕСКОМУ ЭГОИСТУ»
В ОДНОИМЁННЫХ РОМАНАХ
Ч. ПАЛАНИКА И Ф. БЕГБЕДЕРА**

Розглядаються особливості поетики відчуження у творчості сучасних авторів на прикладі романів Ч. Паланіка „Коліскова” і Ф. Бегбеде „Романтичний егоїст”. Творчість авторів може визначатися як постмодерністська завдяки зверненню до постнекласичної філософії. За допомогою „канонів” постмодернізму Ч. Паланік і Ф. Бегбедер створюють ефект відчуженості, побудованої на цитатності, відсутності автора в тексті, втечу від свободи і одночасному прагненні до неї, розмиванні категорій і відмови від табу. Але не тільки протиріччя раннім класичним ідеалам і цінностям робить творчість авторів виразним на тлі сучасного літературного процесу, а й їхні уявлення про особистість в суспільстві, що змушує вибирати шлях, що призводить до прагнення до відчуження. Саме так герої знаходять свою свободу.

Ключові слова: творчість Ч. Паланіка, творчість Ф. Бегбеде, постмодернізм, роман, поетика, відчуження.

Рассматриваются особенности поэтики отчуждения в творчестве современных авторов на примере романов Ч. Паланика „Колыбельная” и Ф. Бегбедера „Романтический эгоист”. Творчество авторов может определяться как постмодернистское благодаря обращению к постнеклассической философии. При помощи „канонов” постмодернизма Ч. Паланик и Ф. Бегбедер создают эффект отчуждённости, построенной на цитатности, отсутствии автора в тексте, бегстве от свободы и одновременном стремлении к ней, размывании категорий и отказа от табу. Но не только противоречие ранним классическим идеалам и ценностям делает творчество авторов выразительным на фоне современного литературного процесса, но и их представление о личности в обществе, заставляющем выбирать путь, что приводит к стремлению к отчуждению. Именно так герои находят свою свободу.

Ключевые слова: творчество Ч. Паланика, творчество Ф. Бегбедера, постмодернизм, роман, поэтика, отчуждение.

The article discusses the poetic features of alienation in the novels by contemporary authors Ch. Palahniuk (“Lullaby”) and F. Beigbeder (“Romantic egoist”). The works by authors can be defined as post-modern through the conversion to postnonclassical philosophy. With the help of “canons” of postmodernism Ch. Palahniuk and F. Beigbeder create the effect of alienation, built on the citation, the absence of the author in the text, the escape from freedom and at the same time striving for it, the blurring of categories and the rejection of taboo. But not only a contradiction in the early classical ideals and values makes the work of the authors on the background of expressive contemporary literary process, also their understanding of the individual in society, forced to choose the path that leads to a desire to alienate. That is how the characters find their freedom. If we understand freedom as having the choice, we can assert that the novel “Lullaby” by Ch. Palahniuk demonstrates the emergence of a protective mechanism of escape from freedom, the so-called “escapement mechanism”, which is characterized by the tendency to perversion (in particular, to the masochistic and sadistic) destructivity, man's desire to destroy the world, that it did not destroy him, the position of denying and automatic

conformity. Referring to the problem of alienation, it should be noted that in postmodernism traditional laws and forms are transformed as a result of the dominance of general chaos and disintegration. It also explains the mixture of times, cultures, languages, historical facts and fiction that depict the postmodernists. In this case, everything loses its immanent meaning and identity, one transforms into another, reduces to the level of farce. The planned focus on the destruction of ideas about the patterns of aesthetic systems, blurring of categories, the rejection of taboos and boundaries are the “canons” of postmodernism.

Keywords: Ch. Palahniuk, F. Beigbeder, postmodernism, novel, poetics, alienation.

В настоящее время в современной литературе формируется тенденция ничем не ограниченного вулканического извержения слов. Большинство авторов прямо или косвенно стремятся к свободе посредством текста, оставляя выбор за читателем. Роль автора сразу утрачивает классическое значение творца, потому что всё чаще можно говорить о «смерти Автора» [3], и это, как представляется, равносильно утверждению Ф. Ницше о том, что «Бог умер» [5].

Важно отметить, что подобное целеполагание при создании произведений детерминируется феноменом отчуждения между индивидом и внеличными социальными и природными силами. Причём речь идёт об отношениях между обществом и личностью, поскольку предлагается совершенно новый взгляд человека на социум. Своеобразный эгоцентризм, прямо связанный с обращением к постнеклассической философии, свойственен произведениям как Ч. Паланика, так и Ф. Бегбедера. В своём романе «Колыбельная» Ч. Паланик пишет о том, что «все наши мысли – уже чужие» [6, с. 11]. Подобную проблему рассматривает М. Бахтин в своём исследовании «Из предыстории романного слова» [1], где он описывает качественно новое отношение автора к тексту, когда проблема цитатности создаёт эффект отчуждённости, построенной на переосмыслении человеческой свободы. Чужое слово, как и чужие мысли, становятся способом отчуждения героев Ч. Паланика, когда автор не привязывает свой жизненный опыт к произведению и никак на этот опыт не ссылается. Именно поэтому можно говорить об отсутствии автора в тексте.

Критики отмечают, что произведения американского писателя нацелены исключительно на новое поколение, так как их родителей романы могут ужаснуть. Слабонервным романы Ч. Паланика читать не рекомендуется, впрочем, как и тем, кто принимает всё слишком близко к сердцу, ведь произведения автора часто характеризуют как очень едкие, жёсткие, а порой и возмутительные. Такие критики, как Л. Миллер, пишут, что «книги писателя наполнены полусырым нигилизмом пьяного ученика средней школы, который только что прочитал Ницше» [9].

Интересны работы таких критиков, как Б. Фарт, который откровенно называет происходящие события в литературе «контркультурным джихадом» [7]. Б. Фарт называет контркультурную прозу «бездарной по форме и бессмысленно-бунтарской по содержанию» [7]. Критик указывает на атмосферу отчуждения, «всеохватную и всепроникающую, словно клубы “Циклона Б” в газовой камере Освенцима» [7], которой наполнено творчество

Ч. Паланика и которая создаётся посредством неясностей и хитросплетений в тексте. Стремление к отчуждению, порождённое стремлением к свободе, в романах Ч. Паланика лишь в очередной раз подтверждает извечное противоречие между бытием вброшенного в мир, помимо своей воли, человека и тем, что он выходит за пределы природы благодаря способности осознавать себя, других, прошлое и будущее.

Подобное понимание отчуждения может противоречить тому, как представляется поэтика отчуждения в литературе. Более обоснованным может быть восприятие отчуждения как репрезентации таких жизненных отношений главного героя с миром, при которых его поступки, он сам и окружающая его действительность, будучи частью определённых норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому (от несходства до неприятия и враждебности).

Если понимать свободу как наличие выбора, то можно утверждать, что роман «Колыбельная» Ч. Паланика демонстрирует возникновение защитного механизма бегства от свободы, так называемый «механизм избавления» [8], для которого характерны тенденции к перверсиям (в особенности, к мазохистским и садистским), деструктивизм, стремление человека разрушить мир, чтобы тот не разрушил его самого, позиция отрицания, автоматический конформизм.

В современном обществе всё чаще можно наблюдать действие механизма автоматического конформизма, который часто оказывается «спасительным решением для большинства нормальных индивидов в современном обществе» [8]. Такой способ преодоления одиночества в обществе состоит в соответствии личности, которая как хамелеон сливается с окружающей средой, определённому шаблону. Именно поэтому возникает нерешённый вопрос, связанный с поэтикой отчуждения в творчестве Ф. Бегбедера. Выводы, сделанные критиками ранее, подтверждают, что большинство современных авторов-постмодернистов сохраняют в текстах отчуждённость, сложность фраз, заключённых в минималистические рамки.

В связи с такой постановкой вопроса можно указать, что цель этой статьи – проанализировать особенности поэтики отчуждения в творчестве современных авторов на примере романов Ч. Паланика «Колыбельная» и Ф. Бегбедера «Романтический эгоист».

Обращаясь к проблематике отчуждения, необходимо отметить, что в постмодернизме традиционные законы и формы трансформируются вследствие доминирования всеобщего хаоса и распада. Это и объясняет ту смесь времён, культур, языков, реальных фактов и вымысла, которую изображают постмодернисты. При этом всё теряет свой имманентный смысл и идентичность, одно переходит в другое, пародируется, снижается до уровня фарса. Запланированный акцент на разрушении представлений о закономерностях эстетических систем, размывание категорий, отказ от табу и границ – в этом и заключаются «каноны» постмодернизма.

Это означает, что «каноны» эстетики преобразуются, деформируются, переходят в качественно иную плоскость. Баланс между возможным и

невозможным, материальным и духовным теряется. Литература в своей практике активно опирается на эстетический опыт, тексты часто превращаются в современные артефакты, эстетические объекты, требующие эстетико-герменевтического анализа, в некие пропедевтические фрагменты виртуальной «игры». Изображается размытость жёстких бинарных оппозиций, пристрастие к технике бриколажа, цитатного совмещения несовместимого. Говоря о романе Ч. Паланика «Колыбельная» с точки зрения характеристик, приведённых выше, можно констатировать, что интертекстуальность и цитатность в произведении демонстрируется через постоянные связи с текстами «Стихов и потешек со всего света». Так, например, главный герой постоянно сообщает, что «баюльная песня звучит у меня в голове» [6, с. 64].

Кроме того, довольно частый приём в романе «Колыбельная» – самоцитирование. Именно поэтому стилистические и сюжетные повторы, «переклички», рефреном звучащие фразы формируют многоуровневую композитность текста романа. Практически в каждой главе автор представляет небольшие объявления из газет, сформулированные одинаково: «Если ваша собака, купленная на указанной ферме, оказалась больна бешенством, звоните по указанному телефону и объединяйтесь с другими такими же пострадавшими, чтобы подать коллективный иск в суд» [6, с. 145]. Но такие повторяющиеся части не делают произведение примитивней, а, напротив, представляют собой знак, сигнализирующий о том, что далее последует важное сообщение для поиска очередной копии Гримуара, содержащей баюльную песню. Многоуровневость текста выражается также в том, что в романе Ч. Паланика «Колыбельная» ни разу подробно не описывается процесс убийства. Главный герой лишь говорит, что «баюльная песня звучит у меня в голове, и в трубке вдруг – тишина» [6, с. 89].

В каждой строке мы видим, как изживает себя форма «авторских посланий». Вслух говорится то, что кажется глубинным смыслом, создавая эффект приукрашенности. Но именно обособление главных героев от социума, желание освободиться от рамок законов, морали и порядка дефрагментирует поэтику отчуждения, когда «с каждым новым убийством» [6, с. 65] человек «всё больше и больше отчуждается от мира» [6, с. 65], таким образом, убеждаясь, что весь мир против него. Всё, что должно быть статичным, обретает динамику. Обстановка и ситуация, которая создаётся автором вокруг главных героев, несёт в себе лишь отчаяние и отчуждение.

«Колыбельная», которая поётся для освобождения других от жизни, возникает как стремление защитить мир от людей. Именно в стремлении к свободе от смертельной песни Гримуара «баюльная песня станет чумой нашего века» [6, с. 21]. Главный герой задаётся вопросом, стоит ли „убивать людей для спасения жизней” [6, с. 149] и «сжигать книги, чтобы спасти книги» [6, с. 149]. Зачем поётся такая колыбельная? Современный человек слушает колыбельную, которую изначально «пели детям во время голода или засухи» [6, с. 124], «когда племя так разрасталось, что уже не могло

прокормиться на своей земле» [6, с. 124] и «воинам, изувеченным в битве, и смертельно больным» [6, с. 124], то есть «всем, кому лучше было бы умереть» [6, с. 124] и «чтобы унять их боль и избавить от мук» [6, с. 124]. «Романтический эгоист» нашего века унимает свою боль. Это прежде всего моральная боль, от которой он в то же время избавления, быть может, и не находит, но получает удовольствие, истязая себя, слушая песнь смерти, которая так ласково зовётся «колыбельной», стремясь уснуть вечным сном.

Интересно заметить, что у Ф. Бегбедера и его романтического эгоиста колыбельная звучит как «песни Барри Уайта» [2, с. 4], которые следует слушать «в долгий уик-энд с бокалами бурбон-колы» [2, с. 4], а имя этому уикэнду – «Жизнь». Поэтика отчуждения в романе французского писателя специфична в связи с тем, что его романы автобиографичны. Дневниковая форма романа Ф. Бегбедера «Романтический эгоист» обязывает к отражению субъективного авторского мнения. Романы Ф. Бегбедера лишены характерного для постмодернизма «авторского отсутствия». Здесь меняется отношение к колыбельной – «баюльная песня» поётся всему миру, который «представляется безликим» [2, с. 17], потому что «на всём земном шаре фоном служит одна и та же песня» [2, с. 17]. Так, «Земля превратилась в танцпол» [2, с. 17].

Ф. Бегбедер заведомо высказывает своё субъективное мнение, которое пропагандирует квазифилософский образ мышления и обвиняет во всём Руссо, который утверждал, что «люди счастливы бывают только в преддверии счастья» [2, с. 7]. Оскар Дюфрен делает вывод о том, что «обожает непонятные фразы» [2, с. 7]. На фоне этого отмечается нигилизм и отвращение как следствие отчуждения, которые во всём – в «запахе кожи в крутых английских тачках» [2, с. 2], в «результате первого тура президентских выборов» [2, с. 82], в «джинсах от Хельмута Ланга с пятнами краски» [2, с. 43] и, наконец, в счастье [2, с. 23]. И для главного героя нет ничего «тошнотворнее “роллса”, “бентли” или “ягуара”» [2, с. 2].

Сетевой критик А. Мешкова отмечает, что лирический герой «разбавляет едкий коктейль из цинизма и реализма едва ощутимой теплой вуалью надежды оптимизма» [4]. Ф. Бегбедер от лица своего главного героя, Оскара Дюфрена, говорит об отвращении к образу жизни современного человека. Даже концепт любви, которому в классической литературе свойственна чувственность и динамика, представляется читателю как пассивное качество современного «глобализованно-парализованного» [4] Всемирной Сетью и мобильной связью общества, когда «все посылают друг другу записки на мобильные телефоны» [2, с. 19]. Главный герой утверждает, что, таким образом, «мы вернулись к телеграмме, к эпистолярному жанру, к опасным связям» [2, с. 19].

Оскар Дюфрен проживает жизнь, удостоверившись в идентичности окружающих его людей, пытается избавиться от одинаковости, но видит неизбежность этого. В главе «Осень. Любовь всей жизни» Ф. Бегбедер пишет о том, что всё вокруг пропитано автоматическим конформизмом, когда «в рижском “Фэшн-клубе” у всех девиц чёлки, все мужики – качки <...> У

всех у них одинаково безупречные черты лица» [2, с. 66]. Главный герой выражает своё отвращение, стремление к отчуждению в каждой строке, не скрывая и желая освободиться от рамок. Даже в том, что он избрал дневниковую форму романа, он видит негатив, утверждая, что именно «в автобиографической литературе радости мало, разве что вы адепт садомазохизма» [2, с. 77]. Но при этом автора нельзя назвать пессимистом. Он всего лишь «модный писатель, романтический эгоист, милый неврастеник» [2, с. 3].

Характерными для постмодернизма являются принципиальная асистематичность, незавершенность, открытость конструкции. Также и в романе Ч. Паланика «Колыбельная» финалом произведения является вывод, который сам по себе противоречит ранним идеалам и законам: «Представь себе, что Иисус гоняется за тобой, пытаюсь поймать тебя и спасти твою душу. Что он не просто пассивный и терпеливый Бог, а въедливая и агрессивная ищейка» [6, с. 286]. Полиморфия ценностей и идеалов заставляет Ч. Паланика задаться вопросом: «Мы убиваем людей для спасения жизней? Мы сжигаем книги, чтобы спасти книги?» [6, с. 149]. Именно поэтому можно утверждать, что постмодернистская эстетика не создает принципов, которые фетишизируют «новое» или «старое», а создает при помощи этих понятий, растворяющихся друг в друге, переплетающихся или меняющихся местами, основу для бесконечности переходов и комбинаций, которые демонстрируют децентрированность мира и представляют собой безграничный текст, не претендующий в тоже время на создание чего-то нового. Оба автора откровенно и категорично рассуждают о том, что происходит с личностью в современном мире, как общество заставляет человека выбирать путь, свободный от принципов и понятий, что часто приводит к стремлению к отчуждению. Именно так герои находят свою свободу – от «колыбельной», социума, автоматического конформизма и идентичности.

Таким образом, стоит сделать вывод, что в современных постмодернистских произведениях, без сомнения, обнаруживается тенденция к отчуждению. В частности, это касается и таких произведений, как романы Ч. Паланика «Колыбельная» и Ф. Бегбедера «Романтический эгоист», в которых романтический эгоист остаётся и слушает колыбельную, несущую смерть. Так происходит потому, что эгоист, изначально привыкший думать о себе, не может уйти и лишиться себя возможности не услышать эту песнь – песнь смерти до конца. Ибо он не нигилист, а романтик. Многие критики ошибочно считают героев Ч. Паланика именно такими, хотя сам автор говорит об «идеях, в которые большинство просто не верит» [10]. «Баюльная» песня звучит для тех, кто считает себя особенным, не таким как все, эгоцентричным, созданным не для окружающей действительности, а для чего-то более романтического, чем мир, «где люди боятся слушать, боятся услышать что-нибудь за шумом уличного движения» [6, с. 22]. Отчуждение от общества и мира – это свойство колыбельной, её предназначение, её неизбывная тоска, а в конечном итоге – лекарство для романтического эгоиста.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Из предыстории романного слова [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – Режим доступа : <http://mmbakhtin.narod.ru/romslov.html>.
2. Бегбедер Ф. Романтический эгоист / Ф. Бегбедер. – М. : Иностранка, 2006. – 99 с.
3. Грицанов А. А. Смерть Автора [Электронный ресурс] / А.А. Грицанов // Постмодернизм. Энциклопедия. – Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/127706/390/Gricanov_-_Postmodernizm.html.
4. Мешкова А. Романтический эгоист. Исповедь или реальность? [Электронный ресурс] / А. Мешкова. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2011/11/01/1629>.
5. Ницше Ф. Весёлая наука [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – Режим доступа к книге : <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/?curPos=1>.
6. Паланик Ч. Колыбельная / Ч. Паланик. – М. : АСТ, 2007. – 288 с.
7. Фарт Б. Контркультурный джихад Чака Паланика [Электронный ресурс] / Б. Фарт. – Режим доступа : <http://www.proza.ru/2008/08/10/540>.
8. Фромм Э. Механизмы „бегства” [Электронный ресурс] / Э. Фромм // Бегство от свободы. – Режим доступа : <http://modernproblems.org.ru/philosophy/182-begstvo-ot-svobodi.html?start=7>.
9. Miller L. Diary [Электронный ресурс] / L. Miller – Режим доступа : http://www.salon.com/2003/08/20/palahniuk_3.
10. Phillips L. That Little Bitch Marla Singer : A Cultural Critique of Sexism in Fight Club [Электронный ресурс] / L. Phillips – Режим доступа : http://www.everything2.com/index.pl?node_id=1275979.

Надійшла до редколегії 30 вересня 2014 р.